

Сергей Леонидович Рубинштейн: превратности судьбы ученого

В.П. Зинченко

доктор психологических наук, действительный член РАО, профессор Института общего среднего образования РАО, профессор ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет», профессор кафедры общей и экспериментальной психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», академик

Есть не так много положительных вещей, которыми российская наука, в частности психология, обязана революции 1917 г. Одна из них — приход С.Л. Рубинштейна (1889—1960) в психологию. Профессиональный философ, получивший образование в Марбургском университете и занимавшийся этикой, благодаря революции стал психологом. Он быстро сообразил, что в Советском Союзе этика исчезла как реальность и деформировалась как философская проблема. Она заменилась «классовым интересом». Впрочем, сам Сергей Леонидович сохранял и то и другое. О проблемах этики он писал «в стол». Спасибо его ученикам — К.А. Абульхановой и А.В. Брушлинскому, — что они опубликовали его размышления об этике.

С.Л. Рубинштейн нашел новую сферу приложения сил, обратившись к психологии, где сразу стал заметной фигурой (аналогична судьба другого профессионального философа — П.П. Блонского). В апреле 1958 г. после 40 лет работы в психологии в подготовительных фрагментах к своей последней неоконченной книге «Человек и мир» он писал: «Юмор в последнее время все более распространяется на всю мою судьбу, на все противоречия, несоответствия с ней. По призванию, по складу мысли я философ и притом философ, сердцу которого особенно близки не только теория познания, но особенно этика, а официально я — психолог. Отсюда юмористический аспект моего отношения к моей специальности («в психологии я случайный человек») [13, с. 421]. Сегодня без трудов этого «случайного» человека психология не представима. К нашему стыду, вынужден признать, что его «Основы общей психологии» (1940) не только лучший, но и единственный полноценный университетский учебник. Столь же уникальны его книги по философской психологии: «Бытие и сознание», «Принципы и пути развития психологии», «Человек и мир».

Внешняя канва биографии С.Л. Рубинштейна кажется вполне благополучной: прекрасное образование; в высшей степени профессиональные учителя; вполне своевременно и заслуженно полученные научные степени и звания; членство в двух академиях;

Сталинская премия; бесспорный авторитет в научном сообществе и не только психологическом; способные ученики, многие годы заботившиеся о его научном наследии; и даже карьерный рост. Хотя из миллиона свободных ассоциаций, такая, как Рубинштейн и карьера, — невозможна. Без каких-либо усилий с его стороны в разное время он был назначен директором Челпановского Института психологии, заведующим ведущими кафедрами психологии в стране (в Одессе, Ленинграде, Москве). И всё же, всё же... Сказать о терниях, ухабах и оврагах на научном пути Сергея Леонидовича будет слишком мягко. Я выбрал слово «превратности» в целом счастливой, по советским меркам, судьбы ученого, умершего в своей постели, своею, а не коллективной смертью. Присмотримся к этой судьбе поближе, в чем нам поможет сам С.Л. Рубинштейн, который артикулировал и анализировал собственные переживания, как бы отчуждая их от своих поведенческих актов. В таком «экстрагированном» виде они выражают (строят) целостное душевное состояние, делают его доступным рефлексии.

По завершении обучения в Марбургском университете в 1913 г. С.Л. Рубинштейн под руководством известных философов П. Наторпа и Г. Когена защищает докторскую диссертацию, посвященную проблеме метода, и в 1914 г. публикует в Германии книгу на эту же тему. (Хорошо бы к 100-летию выхода книги издать ее на русском языке.) После возвращения на родину он преподает в частных гимназиях Одессы. В 1919 г. по приглашению известного психолога Н.Н. Ланге — ученика В. Вундта — становится доцентом, а с 1921 г. — профессором Новороссийского университета, где преподает философию, психологию и логику. После смерти Н.Н. Ланге он на один год (?) становится заведующим кафедрой психологии. Подозреваю, что в 1922 г. его уволили из университета по тем же причинам, по которым из него в свое время был уволен И.И. Мечников. В этом же году С.Л. Рубинштейн публикует известную статью «Принцип творческой самодеятельности», которую справедливо считают началом развития деятельностного подхода в психологии. К.А. Абульханов

ва заметила, что эта статья представляет собой изложение одного из параграфов его первой книги. Если это действительно так, то начало разработки автором деятельностного подхода следует датировать десятилетием раньше.

Работая с конца 1922 по 1930 г. директором Центральной научной библиотеки Одессы, он не прерывает научной и педагогической деятельности. В частности, продолжил работу над проблематикой деятельности, действий и поведения, в развитии которой иначе, чем бихевиоризм, рефлексология и реактология, преодолелась гносеологизм классической психологии. Он рассматривал «действия» (Handlung) и, значит, «поведение» как цепь, иногда сумму, иногда систему, органического целого действий: «ДЕЙСТВИЕ» это акт, реакция, происходящая в МИРЕ «объектов», *содержаний, имеющих «ЗНАЧЕНИЕ»*. Изменение, выявление структуры мира, происходящее в связи с практикой, с реакциями, актами, действиями людей, само преобразует структуру и характер действий — и значит реальное содержание поведения <...> Поскольку нужно преодолеть оторванность, установить связь от человека к миру, действия человека не могут быть сведены не только к рефлексам, но и к *реакциям*. *Психология не реактология*. Действия человека сводятся к реакциям, когда они определяются лишь во взаимоотношении с *раздражителем*, вызвавшим реакцию, но вне зависимости, оторванно от эффекта (от действия!), вызванного ими. Такое отождествление действия с реакцией методически не правильно (не диалектично) и фактически не верно: *одно и то же действие может быть произведено различными реакциями (движениями), и одна и та же реакция (?)* (если последовательно определять ее только отношением к раздражителю) *может определять различные действия* [13, с. 368–369]. Наконец: «Действие, определенное как реакция на стимул, связывается с объективной действительностью с одного конца, в своем начале, но концом своим оно повисает в пустом пространстве». Настоящие цитаты, взятые из отрывков научного наследия, датированы двадцатыми годами прошлого века и опубликованы лишь к 100-летию ученого. Из них видно, что С.Л. Рубинштейн уже тогда отказывался от стимульно-реактивных схем, от субъект-объектной парадигмы, и вместо них обращался к отношениям Человек—Мир: «Вместо дуалистической схемы: мир или среда, с одной стороны, субъект, личность — с другой (как бы вне среды или мира), *поставить вопрос о структуре мира или среды, включающей, внутри себя имеющей субъекта, личность как активного деятеля. Предметом фундаментального изучения должна быть структура мира с находящимся внутри него субъектом и изменения этой объективной структуры в различных установках субъекта*» [там же, с. 367]. С действием автор связывает личностную ответственность за содеянное. Вполне реализовать намеченную в 20-х гг. программу такого изучения С.Л. Рубинштейну удалось лишь в конце жизни, в посмертно опубликованной

книге «Человек и Мир», которая заканчивается на патетической ноте: «Смысл человеческой жизни — быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества» [11, с. 385]. Как мы далеки от грез этого светлого человека! Он имел на них право, так как выполнил свое предназначение.

* * *

В 1930 году С.Л. Рубинштейн переехал в Ленинград, где до 1942 г. возглавлял кафедру психологии ЛГПИ им. А.И. Герцена. Без преувеличения можно сказать, что его кафедра стала центром психологической жизни страны. На ней работали В.Н. Мясищев, В.А. Вагнер, Г.И. Рогинский, сотрудничал Л.А. Орбели, наездами — Л.С. Выготский, встретивший там и влюбивший в себя Д.Б. Эльконина. В Ученом совете, который возглавлял С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, москвичи — А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов защищали докторские диссертации, К.М. Гуревич — кандидатскую.

В Ленинграде С.Л. Рубинштейн написал две книги — «Основы психологии» [1935] и «Основы общей психологии» [1940]. В предисловии ко второй книге автор ставит три основных проблемы, решению которых она посвящена: развитие психики, личности и сознания; проблема действительности и сознательности и, соответственно, преодоление господствующей в психологии сознания пассивной созерцательности; преодоление абстрактного функционализма и переход к изучению психики, сознания в конкретной деятельности, в которой они не только формируются, но и проявляются. По сути дела, речь идет об ограничении прав и претензий лишь гносеологического понимания психологии и утверждении онтологии психики и сознания. Для С.Л. Рубинштейна действие — единица не только деятельности, но также единица анализа психики, «клеточка», «ячейка» психологии. В *действии* психологический анализ может вскрыть зачатки всех элементов психологии [7, с. 175]. В действии он видит не только зачаток, но и основание поступка: «Действие <...> становится *поступком* по мере того, как и отношение действия к действующему субъекту, к самому себе и к другим людям, как субъектам, само будучи дано как отношение, поднявшись в план сознания, т. е. превратившись в сознательное отношение, начинает регулировать действие. Поступком действие становится по мере того, как формируется самосознание» [там же, с. 50–51]. Через действие, поступок и деятельность утверждается бытийный характер сознания. Напомню гегелевское: Истинное *бытие* человека есть человеческое действие. В нем индивидуальность действительна. Правда, потом, в 50-е гг., С.Л. Рубинштейн, будучи то ли загипнотизирован, то ли запуган фантомной ленинской теорией отражения, признал единицей анализа психики акт отражения. Но все же не факт (*И зеркало корчит всезнайку*), а акт (!), который уже не столько отражение мира, сколько его порождение.

После выхода «Основ общей психологии» он становится самым авторитетным и значительным лицом в психолого-педагогическом сообществе. В 1942 г. С.Л. Рубинштейн получает за эту книгу Сталинскую премию. С 1940 г. он — проректор ЛГПИ им. А.И. Герцена, эвакуацию которого организывает в 1942 г. После этого его вызывают в Москву и назначают директором Института психологии, организатором и заведующим кафедрой психологии Московского университета. В 1943 г. он организует отделение психологии в составе философского факультета МГУ. Его научный авторитет подкрепляется организационно, и он становится главной фигурой советской психологии. Он приглашает на кафедру Б.М. Теплова, соратников Л.С. Выготского, создателей и участников Харьковской психологической школы — А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурию, П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца, привлекает к преподаванию в Университете Н.А. Бернштейна, А.А. Смирнова. На этом золотой дождь, пролившийся на него в лихую годину, не заканчивается: в 1943 г. С.Л. Рубинштейн избирается членом-корреспондентом АН СССР, в 1945 г. А.А. Смирнов занимает должность директора Института психологии, а Сергей Леонидович создает Сектор психологии в Институте философии и становится заместителем директора этого института.

В 1946 г. выходит расширенное издание «Основ общей психологии». Что сказать? Завидная судьба ученого! Но только не в СССР, где от сумы и тюрьмы никто не зарекается. Первый звоночек («тормозок») прозвучал еще в 1943 г. — С.Л. Рубинштейн был включен в состав учредителей Академии педагогических наук, но единственный из этого состава не стал ее членом. Первый ее президент Кафтанов категорически возражал против его членства. Все же в 1945 г. С.Л. Рубинштейн был избран действительным членом АПН РСФСР. Вторым звонок прозвучал в 1947 г., когда в издательстве АН СССР был рассыпан набор его книги «Философские корни психологии». Издатели раньше всех почувствовали приближение надвигающейся грозы — очередного фронтального наступления (счет им давно был потерян) на культуру, искусство, науку. Сталин продолжил заложенную Лениным традицию идеологического и физического вмешательства власти в эти и другие сферы жизни. Он назначает себя генералиссимусом, гением всех времен и народов, корифеем науки, главным арбитром в культуре и науке, и пр. и пр. Ученых не спасают ни академические звания, ни премии его имени. Он с помощью *тонкошеих вождей* цинично показывает, кто в доме хозяин. Пожалуй, только физиков от Сталина спасла атомная бомба.

Действительно, какие у психологии могут быть философские корни, когда есть идеологические, они же и рефлекторные еще и в том смысле, что вызывают также рвотный рефлекс. Даже сегодня «редукционистский слалом» (В.Н. Порус) — он же субстанционалистский — продолжается: говорят о мозговых, нейронных, генетических, квантовых корнях. Объективность субъективного ищут не там, где потеряли, а там, где кажется (!), что светлее. Не нужно иметь

«когнитивный мозг», чтобы с пафосом повторять тавтологию: человеческий мозг является «социальным мозгом». В человеке как представителе человеческого рода социально всё. Его глаз не только телесный, но и духовный (око души), бесконечны гимны человеческой руке, способной к умному деланию. Человек обижен, обделен инстинктами и рефлексами, зато награжден интеллигентной интуицией и на ее основе строит чувственную и рациональную. Человек испытывает духовную жажду и голод мысли. Объективность субъективного заключена к нем самом, в постоянном чередовании актов субъективации объективного и объективации субъективного, осмысления значений и означения смыслов. Она не требует доказательств от мозга, назойливо, а то и агрессивно, уже более полутора столетий навязываемых психологии физиологией, а в последние годы когнитивной нейрофизиологией [2]. А.А. Ухтомский, С.Л. Рубинштейн, Г.Г. Шпет, М.М. Бахтин, Л.С. Выготский, Н.А. Бернштейн, Э.В. Ильенков, М.К. Мамардашвили и другие каждый по-своему писали об онтологии сознания и психики, рассматривая их как объективные события во Вселенной. И даже физики-теоретики предсказывают, что рано или поздно им придется включить в «Теорию всего» феномен сознания. Сознание возникает, блуждает, творит не в колониях сообщающихся нейронов и не в зарослях дендритов, а в «республике общающихся Я» как внутри социума, так и внутри индивида, и в лесу символов: «Каждое “я”, поскольку оно есть и всеобщность “я”, есть коллективный субъект, содружество субъектов, “республика субъектов”, содружество личностей; это “я” есть на самом деле “мы”» [11, с. 337]. Соответственно, и сознание меж- или интерсубъективно, но располагается в пространстве или на границах *между* людьми. Это *между* есть и свидетельствует объективности сознания.

После взлета в военные годы судьба С.Л. Рубинштейна круто изменилась. В 1947 году начался обвал. Постыдные обсуждения (и погромные публикации в журналах «Вопросы философии», «Советская педагогика», в ряде газет) «Основ общей психологии» с переходом на личность: обвинения в «безродном космополитизме», «преклонении перед буржуазной наукой», в «лакейской сущности». Его называют лжеученым и, конечно же, «заметным агентом американского империализма». Как же без него? Самое мягкое обвинение — идеалист. На Ученом совете в МГУ звучит анекдотическое: «Рубинштейн не понимает, что острота зрения советских летчиков выше остроты зрения фашистских летчиков»; в секторе психологии Института философии приглашенные критики, не договорившись, обвиняют слева и справа: в недооценке и в переоценке деятельностного подхода в психологии. В его защиту выступил лишь Б.М. Теплов. В 1949 году С.Л. Рубинштейна освобождают от руководства кафедрой и отделением психологии МГУ и от руководства сектором психологии Института философии, запрещают издание его трудов... По воспоминаниям М.Г. Ярошевского,

перед закрытием сектора в 1951 г. его новая заведующая — невежественная выпускница Академии общественных наук при ЦК КПСС — Е.Д. Варнакова на вопрос, чем она занималась в качестве руководителя, ничтоже сумняшеся ответила: «Как чем? Я вытаскивала Рубинштейна из болота идеализма». Спасибо гуманитарно ориентированному (редкий случай!) Президенту АН СССР С.И. Вавилову — он не позволил уволить С.Л. Рубинштейна из Института философии. Только в 1956 г. по настоянию С.Л. Рубинштейна и при поддержке Президента АН СССР А.Н. Несмеянова была возобновлена работа сектора, а сам он был полностью восстановлен в правах гражданства и вновь стал заведующим сектором. Возможно, это было компенсацией за увольнение ученого из МГУ, когда А.Н. Несмеянов был его ректором.

В 1947 году, когда начались гонения и травля С.Л. Рубинштейна, ему было 58 лет. Когда бесчинства окончательно прекратились, ему исполнилось 67 лет. Выдержать подобное и оправиться после этого и в более молодом возрасте не каждому по силам. Тем не менее уже в следующем 1957 г. выходит серия его статей в журналах «Вопросы психологии», «Вопросы языкознания», «Вопросы философии» и в других изданиях. Выходит книга «Бытие и сознание». В 1958 году выходит еще одна книга — «О мышлении и путях его исследования», а затем в 1959 г. — «Принципы и пути развития психологии». В 1960 году Сергея Леонидовича не стало. Осталась рукопись его книги «Человек и мир», которая впервые была опубликована в 1973 г. Подобную продуктивность можно объяснить тем, что С.Л. Рубинштейн, как подлинный ученый, продолжал работать и в пору травли и гонений, которые его не сломали. (Как сказали бы его земляки-одесситы: пол-здоровья они ему-таки стоили.)

Сергей Леонидович был поразительно мужественным человеком, он стойко выносил превратности своей научной судьбы. Вот как он сам писал о своем отношении к гонениям: «Мое все более юмористическое отношение к проработкам, которым я подвергался, к непрерывным “претензиям” и “козням” моих “друзей” <...> Они не могут также простить мне того, что они меня прорабатывали. Когда-то это вызывало немало горя — не без того (тогда преобладала жесткая ирония)... Эта научная творческая пустота, выступающая из-под внешней административной “импозантности”, — писал он в цитированных выше очерках. Он называл такое юмористическое отношение отношением «с позиций силы»: «Рост собственной творческой силы — вот основа, на которой изживалась горечь и крепко добродушие и снисходительность юмора» [13, с. 421]. Он, конечно, сознавал, что «Здесь не отделаешься одним лишь юмором, поскольку дело было не только во мне, но и в судьбе всей советской науки» [там же]. Хотя сам С.Л. Рубинштейн следовал культуре сердечности («Сердце” человека все соткано из человеческих отношений к другим людям» [8, с. 263]), это вовсе не снижало его требовательности к людям, что и выражено в его суровом отношении к гонителям. Он оценивал по-

ступки людей «с точки зрения того, возвышают или унижают они человека, но не в смысле его гордости, а в смысле достоинства, ценности его морального уровня для других людей» [11, с. 249—250].

Чтобы не ограничивать настоящий очерк разговорами о превратностях, обращусь к моим, хотя и отрывочным за давностью лет, но светлым воспоминаниям о Сергее Леонидовиче Рубинштейне. Нашему поколению студентов отделения психологии (1948—1953) повезло — мы застали его еще профессором МГУ (до 1951 г.). Наш курс был леонтьевским, а не рубинштейновским. Поколения тогда различались по **персональному** признаку в зависимости от того, кто читал двухлетний курс «Общей психологии». Сергей Леонидович читал нам лишь небольшой курс по проблемам мышления. Его содержание, конечно, вымылось из памяти, но образ и облик академического и вместе с тем увлеченного профессора остался. Осталось впечатление и от стиля, от эрудиции, которая, казалось, не знает границ. Ни в его облике, ни в поведении мы не замечали следов тех неприятностей, которые его постигли. Нужно отдать должное и другим преподавателям, которые ни словом, ни намеком не посвящали нас в происходившее с ним. Нам было очень жаль, когда в 1951 г. Сергей Леонидович — создатель кафедры и отделения психологии на философском факультете — был уволен из Московского университета и все последующие поколения студентов были лишены удовольствия его слушать. Постыдная стенограмма с обсуждением его «заблуждений» была опубликована в «Вопросах психологии» (1989. № 4, 5). Впрочем, быть уволенным из МГУ не стыдно. Знаю это на собственном опыте, правда, меня уволили без обсуждения, просто и со вкусом — по телефону. Досада, конечно, была, но я нахожусь в хорошей компании с С.Л. Рубинштейном, Н.А. Бернштейном, А.А. Зиновьевым, Вяч.Вс. Ивановым, М.К. Мамардашвили и другими.

В глубине и эрудиции С.Л. Рубинштейна может и сегодня убедиться всякий, кто возьмет на себя труд прочесть «Основы общей психологии». Написанный более 70 лет тому назад, он до сих пор остается лучшим университетским учебником по психологии. Когда институт «Открытое общество» (Фонд Дж. Сороса) доверил мне заказать новое поколение учебников по психологии, я назвал около 30 авторов. Среди них: Г.М. Андреева, Б.С. Братусь, Н.Д. Гордеева, А.И. Донцов, В.П. Зинченко, В.М. Мунипов, В.С. Мухина, А.В. Петровский, В.Д. Шадриков, В.А. Шкуратов, М.Г. Ярошевский и др. На резонный вопрос, почему так много, я ответил, что если бы был жив С.Л. Рубинштейн, я назвал бы его одного. Сейчас, когда почти все заказанные книги изданы, могу сказать, что отвечая так, я не ошибался. С.Л. Рубинштейн своим учебником расплатился и за свое немецкое университетское образование. В Германии его издавали десять или более раз. Замечательные для тех лет свойства учебника — минимальная (по тем временам) идеологизированность и полное отсутствие политизированности. Еще одно достоинств-

во состоит в том, что автор скрупулезно собирал все ценное и интересное в области психологии из того, что делалось в нашей огромной, но совсем «не психологической» стране. Это сегодня, почти как в советской песне, «у нас психологом становится любой».

Мой отец, П.И. Зинченко, до конца дней своих сохранял пиетет и признательность Сергею Леонидовичу. Он был и удивлен, и обрадован тем, что его первая серьезная публикация в вузовских «Научных записках» спустя год с небольшим нашла отражение в фундаментальном учебнике. В этой статье П.И. Зинченко пишет, что честь выведения психологии из «замкнутого круга сознания» принадлежит Л.С. Выготскому (ранние работы С.Л. Рубинштейна ему были неизвестны), в концепции которого «запоминание начинает рассматриваться не как содержание сознания, замкнутого в субъекте <...> и не как абстрактная метафизическая способность. Запоминание впервые выступает как активный процесс, как конкретное *психическое действие*» [3, с. 153]. Замечу, что термин «психическое действие» принадлежит П.И. Зинченко. Не мог забыть отец и того, что Сергей Леонидович во время войны, в 1943–1944 гг., будучи директором Института психологии, делал все возможное и невозможное, чтобы демобилизовать доцента психологии П.И. Зинченко из действующей армии. Это не удалось, но порыв был, и он тем более ценен, что Сергей Леонидович хлопотал за представителя другой, уже тогда начавшей конкурировать школы А.Н. Леонтьева.

Вернусь в студенческие годы. Мне повезло общаться с Сергеем Леонидовичем по поводу моей курсовой работы, руководителем которой он был. Сочинение, как я теперь понимаю, было вполне примитивным. Оно каким-то чудом у меня сохранилось, хотя давно исчезли обе мои диссертации. Я о другом. Консультации проходили у него дома, и меня потрясла его библиотека, в основном немецкой психологической и философской литературы (где она сейчас?). Такого богатства я не видел ни у А.Р. Лурии, ни у А.Н. Леонтьева. Я о ней вспоминал, когда мне доводилось быть на кафедрах психологии Вильнюсского, Берлинского университетов и в лаборатории В. Вундта в Лейпциге. И вновь впечатление от его доброты, душевной щедрости. Ни тени снисходительности, хотя повод для нее, несомненно, был. Он — одессит — без улыбки читал мои полудетским почерком написанные рассуждения о том, что думал И.М. Сеченов о памяти.

Упомяну замечательный, поразивший меня эпизод. В 1954–1956 годах я был аспирантом НИИ психологии АПН РСФСР, а «по совместительству» — секретарем комсомольской организации института. И в этой моей должности беспартийный директор института А.А. Смирнов был вынужден иногда принимать меня. Я старался не докучать ему, но приходилось... Однажды я встал в очередь на прием. Дело происходило в узеньком коридорчике, так как приемной скромный Анатолий Александрович не имел. В очереди стояли солидные сотрудники института и среди них — ворчливый и вечно недовольный (мне почему-то кажется, что это была игра) Николай Дмитриевич

Левитов. Он был не в духе. Не помню, то ли он сам, то ли кто-то из ожидавших вспомнил сюжет Марка Твена о том, кем могли бы быть те или иные люди, если бы их жизнь сложилась счастливо. Н.Д. Левитов стал охотно развивать этот сюжет применительно к самым известным психологам, многие из которых работали в то время в институте. Оценки были нелюбезные, порой жестокие, но очень точные. Перечислю те, что помню, но воздержусь от персонификации: дед пасечник, архивариус, кардинал, отец дьякон, генерал, биржевой маклер... Кто-то спросил: а есть кто-нибудь, кто при счастливом стечении обстоятельств все же был бы психологом? Н.Д. Левитов задумался и ответил, что есть, — это Сергей Леонидович Рубинштейн, и после некоторой паузы добавил, что видит его только профессором психологии и философии. Не уверен, что Н.Д. Левитов знал, что С.Л. Рубинштейн получил образование по философии в Марбурге. Тогда афишировать подобное было не принято.

Нужно ли говорить, что для меня это был замечательный урок даже не по психологии, а по человекознанию. С какими-то оценками я согласился сразу, в справедливости других убедился многие годы спустя, с какими-то мог бы поспорить и сегодня. Но оценка С.Л. Рубинштейна была абсолютно точной. Он остался у меня в памяти как классический университетский профессор старой закалки. Очень внимательный к студентам и очень щедрый. Мы жили скудно, и некоторые студенты осмеливались обращаться к нему за помощью. Он не только не отказывал, но и говорил, что возвращать деньги не нужно.

Сергей Леонидович привнес в психологию культуру мысли, характерную для философии и философской психологии. Последняя ведь никогда не исчезала, когда психология «отпочковалась» или «отщепилась» от философии и все же при всей важности в его творчестве проблем бытия, сознания, деятельности особое место занимает проблематика человеческого действия и поступка. Отсюда, между прочим, его огромное уважение и интерес к трудам Н.А. Бернштейна. Вообще, на мой взгляд, его размышления о действии много интересней и продуктивней размышлений о деятельности. В первых чувствуется нечто интимное, по-настоящему его задевающее. С.Л. Рубинштейн последовал пожеланию А.И. Герцена «одействотворения» науки и делал подобное в психологии. В разговорах же о деятельности чувствуется нечто служебное, марксистское, формальное, хотя, конечно, не идеологическое, а научное и тоже интересное. Он, если можно так выразиться, был думающим, понимающим, интеллигентным марксистом. Многие мои друзья-философы, слушавшие его лекции, работавшие рядом с ним в Институте философии АН СССР, отдавали ему должное и благодаря его трудам психологизировали свои работы в области теории познания.

С.Л. Рубинштейну был чужд «ленинизм до исступления», как выразился А.А. Ухтомский. Следуя марксизму (возможно, добровольно-принудительно), С.Л. Рубинштейн никогда не прерывал работы пони-

мания. Отталкиваясь от марксизма, он почти оттолкнул его от себя. Думаю, что он это сделал также и по этическим соображениям. Согласно позднему С.Л. Рубинштейну, принятие и следование марксистской формуле о сущности человека как совокупности всех (!) общественных отношений разрушает природное в человеке, его природные связи с миром, и тем самым то содержание его духовной и душевной жизни, которое определяет его субъективное отношение, отражающее его природную связь с людьми [12, с. 104]. А ведь и в самом деле разрушает, в чем все больше и больше убеждаются многие люди, а не только ученые. В другом месте С.Л. Рубинштейн, приводя эту расхожую марксову формулу, видимо, не без ехидства привел рядом положение К. Маркса, существенно ограничивающее, если не опровергающее ее. Оно состоит в том, что сущность общественных отношений складывается из индивидуальных сущностей.

Я уже как-то писал, что С.Л. Рубинштейн — это целый мир, и не теряю надежды в него погрузиться. Уверен, что это будет очень увлекательным путешествием. Выражаясь словами самого С.Л. Рубинштейна, в памяти ряда поколений он останется как «педагог в большом стиле».

Пожалуй, относительно нашей историографии, связанной с научным наследием С.Л. Рубинштейна, выскажу одно соображение. Его интеллектуальное движение не следует ограничивать обращением к категории деятельности и созданием одной из версий деятельностного подхода. Не ограничено оно также его взглядами, кстати, менявшимися с течением лет, на соотношение или соподчинение внешнего и внутреннего в человеческой жизни. На самом деле, важна ведь не эта странная, чтобы не сказать, комичная опозиция: внешнее через внутреннее или внутреннее через внешнее. Бывает всякое. Значительно существеннее соотношение суггестивных сил внешнего и сопротивляемость внутреннего давлению первых. Подобная сопротивляемость характеризует силу духа, которой С.Л. Рубинштейн обладал в полной мере. Надеюсь, что я убедил в этом читателя.

Остановлюсь на одном эпизоде, который случился во время Великой Отечественной войны. Речь идет об избрании С.Л. Рубинштейна членом-корреспондентом Академии наук СССР. В то время, как и многие годы спустя, выдвижение ученого в Академию должно было быть согласовано и одобрено ЦК ВКП(б). Туда обратилась группа ведущих психологов страны — профессора Московского университета А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов, А.А. Смирнов, Г.Х. Кекчев и профессор Центрального института офтальмологии С.В. Кравков. Привожу полный текст письма¹:

Секретарю ЦК ВКП (б) тов. Маленкову

За 25 лет своего существования советская психология прошла большой путь развития, богатый тео-

ретическими и экспериментальными исследованиями. Она превратилась в передовую советскую науку. Отразившая состояние советской психологии книга проф. С.Л. Рубинштейна была удостоена высокой оценки — она получила Сталинскую премию.

Психология приобретает все возрастающее значение для различных областей практики. Во время Великой Отечественной войны психология успешно включилась в работу на помощь фронту — по выполнению ряда оборонных заданий, связанных с разведкой и маскировкой, с противовоздушной обороной, с обучением летных кадров и кадров военно-морского флота, по восстановлению трудоспособности и боеготовности раненых бойцов.

В условиях борьбы с фашизмом вопросы психологии, связанные с изучением сознания, мотивов поведения человека, путями формирования личности, приобретают все более острое идеологическое значение. В послевоенный период значение психологии несомненно еще более возрастет.

Психология вводится сейчас в преподавание: она вводится в качестве учебного предмета в среднюю школу, соответственно расширяется и преподавание психологии в ВУЗах (отделение психологии и логики в Университетах, психология в педагогических институтах).

Основываясь на марксо-ленинской философии, советская психология тесно связана с рядом других смежных наук — с передовым советским естествознанием, языкознанием, с психопатологией и т.п. Однако, до настоящего времени психология вовсе не представлена в Академии наук и таким образом до сих пор не входит в общую систему научного планирования, координации и руководства, осуществляемых Академией.

Мы считаем такое положение неправильным. Мы полагаем, что в целях дальнейшего плодотворного развития советской научной психологии ее изоляция в этом отношении должна быть прекращена. Поэтому мы просим Вас поддержать наше ходатайство перед Президиумом Академии и Бюро отделения истории и философии об организации в системе Академии наук группы по психологии, путем привлечения наиболее видных специалистов и об оформлении ее в качестве одного из постоянных, органических звеньев работы отделения, а также нашу просьбу учесть в связи с этим принципиальное значение выдвинутой рядом научных учреждений Советского Союза кандидатуры в члены-корреспонденты Академии наук СССР директора Института психологии Московского Университета профессора С.Л. Рубинштейна, который является ведущим представителем психологической (так в тексте. — В.З.²) науки.

Подписи

/Профессора: А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов, Г.Х. Кекчев, С.В. Кравков, А.А. Смирнов/

¹ Я благодарен своему школьному другу Ю.И. Кривоносову, работающему в Институте истории естествознания и техники РАН РФ, обнаружившему в Архиве ЦК КПСС это письмо и передавшему его мне.

² Эта опечатка заслуживает того, чтобы обогатить коллекцию феноменов внимания. Пять профессоров психологии, подписывая далеко не рядовое письмо в главное учреждение страны, не заметили ее в слове, обозначающем их профессию. И это при том, что слово располагалось не в середине текста, а непосредственно над их подписями.

Письмо было датировано 20 августа 1943 г., а 24 августа Г.М. Маленков наложил резолюцию: т. Александрову Считаю, что эти предложения надо поддержать. (Философ Г.Ф. Александров в то время возглавлял Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)). Далее на письме следуют еще две записи с неразборчивыми подписями: первая: В Архив. Кандидатура т. Рубинштейна выдвинута в член-корр. АН. 8/IX; и вторая — видимо, о принятии письма: Архив. 10/IX 43 г. Скорость рассмотрения и решения вопроса для сегодняшнего дня немыслимая.

Выдвижению и последующему избранию С.Л. Рубинштейна, несомненно, способствовало присуждение ему в 1942 г. Сталинской премии за книгу «Основы общей психологии». Книга была представлена на премию двумя выдающимися мыслителями — геохимиком В.И. Вернадским и физиологом А.А. Ухтомским. Думаю, что признание ими научных заслуг Сергея Леонидовича значило для него не меньше, чем премия и избрание в Академию наук. Подчеркну, что психологи, обратившиеся в ЦК ВКП(б), и до, и после этого обращения далеко не во всем были согласны друг с другом и с С.Л. Рубинштейном, но все они, заботясь о судьбе психологии в стране, отложили в сторону эти разногласия. В своем главном жизненном деле они были единомышленны, чего, к сожалению, нельзя сказать о последующих поколениях психологов.

Авторы письма деликатно умолчали, что психология в 1920—1930 гг. была в числе «репрессированных» наук (этот термин появился много позже). Были разгромлены педология и психотехника. Но этим дело не кончилось. Как говорилось выше, репрессиям конца 1940-х — начала 1950-х гг. подверглись и С.Л. Рубинштейн, и его талантливый ученик М.Г. Ярошевский, и др.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 422 с.
2. Зинченко В.П. Ответ психолога физиологам // Вопросы психологии. 2009. № 3. С. 72—82.
3. Зинченко П.И. Проблема произвольного запоминания // Научные труды Харьковского педагогического института иностранных языков. 1939. Т. 1. С. 145—187.
4. Rubinstein S.L. Eine Studie zum problem der method. Marburg, 1914.
5. Рубинштейн С.Л. Основы психологии: Пособие для высших педагогических учебных заведений. М.: Учпедгиз, 1935.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1940.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946. 704 с.

Печально, но факт, среди «проработчиков» был и один из моих учителей — А.Н. Леонтьев. Кто знает, когда он был искренен: подписывая письмо в ЦК ВКП(б) или публично упрекая С.Л. Рубинштейна в идеологических, а для того времени — смертных грехах? А.Н. Леонтьеву, видимо, пришлось вытеснить из памяти, что С.Л. Рубинштейн выступал официальным оппонентом на защите его докторской диссертации и дал ей высокую оценку.

Вполне философски Сергей Леонидович относился к смерти: «Две есть в жизни прекрасные поры — годы юности и завершения жизни. Еще раз — смятение чувства. Великий перелом. Подведение итогов... Завершение — обращение к своему народу и человечеству» [13, с. 420]. Он действительно был космополитом, но не в сталинско-ждановском, а в подлинном и возвышенном смысле слова, т. е. — Человеком Мира. И далее: «Смерть моя — для других — остающаяся жизнь после моей смерти — есть мое небытие. Для меня самого, т. е. для каждого человека, для него самого — смерть — последний акт, завершающий жизнь. Он должен отвечать за свою жизнь и в свою очередь определять ее конечный смысл. Отношение к своей смерти как к своей жизни» [там же, с. 415]. Близкие мысли высказывал М.М. Бахтин: «Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть *глубочайшее общение*. Быть значит *общаться*. Абсолютная смерть (небытие) есть неслышанность, непринужденность, невспомянность. Быть значит быть для другого и через него» [1, с. 312]. Уверен, что Сергею Леонидовичу Рубинштейну абсолютная смерть и неслышанность не грозят.

Осмелюсь предположить, что, хотя и случайно, делом его жизни была всё же психология. Побольше бы нам таких пришельцев, но, конечно, не ценой переломов, подобных Октябрьской революции.

8. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 328 с.
9. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Наука, 1958.
10. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Наука, 1959.
11. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. Ч. II. Человек и мир. М.: Педагогика, 1973. 423 с.
12. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
13. Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989. 435 с.
14. Стенограмма заседаний, посвященных обсуждению книги С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии». 1947. ГБЛ. ОР. Ф. 642. Картон 27, 28.
15. Страницы истории: о том, как был уволен С.Л. Рубинштейн // Вопросы психологии. 1989. № 4.

Sergey L. Rubinstein: Vicissitudes of the Scientist's Life

V.P. Zinchenko

PhD in Psychology, academician, full member of the Russian Academy of Education, professor at the Institute of General Secondary Education, professor at the Moscow State University of Psychology and Education, professor at the Department of General and Experimental Psychology, Faculty of Psychology, National Research University "Higher School of Economics"

References

1. *Bakhtin M.M.* Estetika slovesnogo tvorchestva. [Aesthetics of verbal creativity] Moscow: Iskustvo, 1979.
2. *Zinchenko V.P.* Otvet psikhologa fiziologam [Answer psychologist physiologists]. Voprosy psikhologii. [Questions of psychology] – 2009. – № ., p. 72–82.
3. *Zinchenko P.I.* Problema neproizvol'nogo zapominaniia [The problem of involuntary memory]. Nauchnye trudy Khar'kovskogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh iazykov. – 1939. – T. 1, p. 145–187.
4. *Rubinstein S.L.* Eine Studie zum problem der method. Marburg, 1914.
5. *Rubinshtein S.L.* Osnovy psikhologii. Posobie dlia vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedenii. [Principles of Psychology . Benefit for higher educational institutions]. Moscow: Uchpedgiz, 1935.
6. *Rubinshtein S.L.* Osnovy obshchei psikhologii. [Fundamentals of general psychology] Moscow: Uchpedgiz, 1940.
7. *Rubinshtein S.L.* Osnovy obshchei psikhologii. [Fundamentals of general psychology] Moscow: Uchpedgiz, 1946.
8. *Rubinshtein S.L.* Bytie i soznanie. O meste psikhicheskogo vo vseobshchei vzaimosvazi iavlenii material'nogo mira. [Being and consciousness . The place in the general relationship of mental phenomena of the material world]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1957.
9. *Rubinshtein S.L.* O myshlenii i putiakh ego issledovaniia. [About thinking and ways to study]. Moscow: Nauka, 1958.
10. *Rubinshtein S.L.* Printsipy i puti razvitiia psikhologii. [Principles and the development of psychology]. Moscow: Nauka, 1959.
11. *Rubinshtein S.L.* Problemy obshchei psikhologii. Ch. II. Chelovek i mir. [Problems of general psychology. Ch. 2 Man and the world]. Moscow: Pedagogika, 1973.
12. *Rubinshtein S.L.* Chelovek i mir. [Man and the world]. Moscow: Nauka, 1997.
13. *Sergei Leonidovich Rubinshtein: Ocherki. Vospominaniia. Materialy. Man and the world. [Sergey Leonidovich Rubinstein: Essays. Memories. Materials] Moscow: Nauka, 1989.*
14. Stenogramma zasedanii, posviashchennykh obsuzhdeniiu knigi S.L. Rubinshteina "Osnovy obshchei psikhologii". [Transcript of meetings to discuss books S.L. Rubinstein's "Fundamentals of general psychology"]. 1947. GBL. OR. F. 642. Karton 27,28.
15. Stranitsy istorii: o tom, kak byl uvolen S.L. Rubinshtein [Pages of history : how was fired SL Rubinstein]. Voprosy psikhologii [Questions of psychology]. 1989. № 4.